

Ю. Н. ТЫНЯНОВ О ЖАНРЕ РОМАНСА В РУССКОЙ ПОЭЗИИ

В воспоминаниях о Ю. Н. Тынянове* его ученица Л. Я. Гинзбург писала: «Есть ученые разного типа. Тынянов по всему своему складу был изобретателем, открывателем. ... Идеям его была присуща не бесспорность, не неотменность (такого не бывает), но применимость, очень долговечная и прочная. ... Они порождали новые соображения, применялись и проверялись на практике. Причем на материале, самим Тыняновым еще не обследованном. Пересаженная в новую среду концепция продолжала работать и приносить новые результаты» [2, с. 446–447]. Сказанное в высшей степени справедливо и относительно интересующей нас проблемы. Специальных исследований, посвященных романсу, у Ю. Н. Тынянова нет. Тем не менее, в ряде тыняновских трудов, вышедших в 1920-е гг., рассредоточены отдельные, «вскользь оброненные» (по выражению Л. Я. Гинзбург) суждения о жанровой сущности романса как поэтического феномена, об истоках и месте его в русской словесности, которые представляют исключительную методологическую ценность для современной литературоведческой науки.

Так, в статье «Ода как ораторский жанр» (1922) среди прочего утверждается, что «романс, популярная словесно-музыкальная форма ..., быстро становится чисто музыкальным явлением и остается в поэзии либо в виде узкого жанра, либо в виде напевных традиций элегии» [3, с. 250]. Эта концептуальная, по сути, посылка направляет исследовательский поиск на «параллельное» освещение романса как феномена, сложившегося и функционирующего на границах двух искусств: со стороны поэзии и одновременно с точки зрения музыки. Более того, любимая мысль Ю. Н. Тынянова о соотносительности литературы с бытом «по речевой линии» оказалась продуктивной для выявления отличительных признаков романса, предрасположенного к «личной» (разговорной и напевной) интонации, возобновляющей живой адрес поэтического слова, его соотносительность с общеречевыми ... и внелитературными рядами (салон)» [3, с. 251].

В статьях «Литературный факт» (1924), «О литературной эволюции» (1927) выдвинута и обоснована идея о том, что в эпоху Карамзина, когда ораторская установка оды на «произнесение в большом, в дворцовом зале» [4, с. 201] сменяется бытовой установкой на «салон», происходит «разрушение грандиозной лирики» и «по противоположности ораторскому слову особое значение приобретает романс, песня. ... Выступает малая форма, малая эмоция, психологизм» [4, с. 181]. Соответственно, речевой соотносительностью с «салонном», культивировавшим искусство общения, обуславливалась «домашняя, интимная, кружковая семантика» [4, с. 201] романса, который со времени своего зарождения в качестве литературного жанра предназначался

*Как известно, Ю. Н. Тынянов родился в 1894 г. в еврейской семье в уездном городе Режица, в то время относившемся к Витебской губернии (ныне это город Резекне в Латвии); отец его был уроженцем Бобруйска, мать — уроженкой местечка Докшицы Борисовского уезда Минской губернии.

для исполнения под музыку в камерной бытовой (домашней) обстановке.

Под «малой эмоцией» Ю. Н. Тыняновым подразумевалось отражение в лирике способности личности к эмоциональному переживанию событий своего внутреннего мира, к индивидуальному самовыражению. Романс, принадлежащий к «пограничным» жанровым формам, а следовательно, обладающий неисчерпаемыми ресурсами психологизма и эмоциональности, наиболее приспособлен для выражения душевных переживаний. От иных «младших», в первую очередь смежных, лирических жанров (песни, элегии, дружеского послания), романс отличается абсолютной обнаженностью эмоций.

Неслучайно Ю. Н. Тынянов, характеризуя А. Блока как эмоционального поэта (статья «Блок», 1921), именно романс называл «первообразом» его лирики и одной из «крайних разновидностей эмоционального искусства» [4, с. 361]. В романсе, как ни в одном другом лирическом жанре, особенно велика роль эмфатических частиц («да», «нет», «пусть», «пускай», «так», «ли»), эмфатических союзов («а», «и», «но»), междометий («ах», «эх», «о», «ох»). Служа средствами усиления эмоциональной выразительности поэтического текста, они выступают своего рода сигналами, стилевыми маркерами его романсности. Романсы, как правило, превосходят произведения близкородственных жанров и количеством обращений («ты», «вы» или поименных). От обращений же, по Ю. Н. Тынянову, «тянутся прямые нити к читателю и слушателю, — прием, канонический для романса» [4, с. 361].

Интимно-доверительная тональность стихотворения-романса формировалась в атмосфере салона, т. е. непосредственного общения образованных и эстетически восприимчивых людей. Немаловажно, что выразительное изящество романсного слова изначально поддерживалось музыкальным аккомпанементом. По всей вероятности, характерные для романса предельная открытость, необычайная искренность чувств, предрасположенность к самообъяснению, самоописанию генетически обусловлены. Эти жанровые особенности отчетливо демонстрирует, например, текст популярнейшего на рубеже XIX–XX вв. романса Н. Шишкина «Слушайте, если хотите...»:

*Слушайте, если хотите,
Песню я вам спою
И в звуках песни этой
Открою всю душу свою.
Мне так отрадно с вами
Носиться над волнами,
Что в безвозвратную даль
Умчаться мне было б не жаль* [5, с. 18].

Или — почти забытого сегодня романса Ст. Стивинского «Так безумно, так страстно хотелось мне счастья»:

*И кто-то тогда подошел вдруг к роялю,
Коснулся задумчиво клавиш немых,
И страстная песня любви прозвучала,
Рыдая, неслась, умирала вдали...
Так безумно, так страстно хотелось мне счастья,
Нежной ласки, цветов и любви без конца!* [5, с. 42–43].

Не менее показателен в том же смысле и романс А. Блока «Не презирай воспоминаний», написанный в 1899 г. и впервые опубликованный в «Неизданных стихотворениях» в 1926 г.:

*Не презирай воспоминаний,
Они украсят дней чреду;
Покой от будущих страданий
Я в старой памяти найду.*

<...>

*Увы! Душа презреть не в силах
И чует в песнях старины
Страстей минувших, вечно милых
Былые призраки и сны [1, с. 439].*

Здесь, как видно, поэтом приоткрывается тайна чрезвычайной притягательности для чуткой души отечественного слушателя (читателя) «песен старины» — русских романсов.

Ю. Н. Тынянов первым обратил внимание на то, что мелодическим материалом для А. Блока послужили и старинный романс, и цыганский романс [4, с. 356]. А также на то, что «Блок подчеркивает эпиграфами родство с цыганским романсом (“Не уходи, побудь со мною”, “Утро туманное, утро седое...”), — но эти эпиграфы являются вместе с тем заданным мелодическим строем; “Дым от костра струею сизой...” невозможно читать, не подчиняясь этому мелодическому заданию» [4, с. 361]. Уточним, что помимо произведения, названного Ю. Н. Тыняновым, вполне определенное «мелодическое задание» с очевидностью обнаруживается и в раннем романсном стихотворении А. Блока «Не презирай воспоминаний...», в содержательно-структурном плане которого воссоздан ритмический рисунок и напев популярного романса на текст неизвестного автора и музыку П. Булахова «Не пробуждай воспоминаний...», датированного 1870-ми гг.

Примечательно, что среди многочисленных эпиграфов А. Блока только один имеет подпись «романс»: «Отчего я и сам все грустней // И болезненней день ото дня?.. // Романс» [1, с. 430]. Жанровое обозначение в составе эпиграфа из Г. Гейне («Лирическое интермеццо») в переводе Л. Мея настраивает читателя на соответствующее восприятие самого стихотворения, выдержанного в канонах романса — узнаваемые тема и мотивы, кольцевая композиция, анафорические повторы, косвенное обращение, нагнетаемые вопросы и многоточия, императивы, эмфатическая интонация:

*Отчего я задумчив хожу,
Отчего по ночам в тишине
Лихорадочно дум не бужу,
Отчего я не плачу во сне?..*

<...>

*Отчего я задумчив и нем?..
Отчего мои песни больны?..
Отвечай, отвечай мне, зачем
Эти вечно-тоскливые сны? [1, с. 430–431]*

Стихотворения романсного типа у А. Блока — это «Не презирай воспоминаний...», «Дым от костра струею сизой...», «Седое утро», «Отчего я

задумчив хожу?..», «О доблестях, о подвигах, о славе...» и некоторые др. В романсной лирике поэта Ю. Н. Тынянов обнаруживал не только «черты эмоциональной интонации и мелодики» [4, с. 361], но и «стертые до степени штампов» традиционные образы, общие, банальные места. Думается, что ученым был найден доказательный ответ на вопрос о том, почему традиционная речь романа, которая, как любая традиционная речь, по-своему обаятельна, несмотря на насыщенность клишированными формами, не производит впечатления недостаточно художественной, эстетически ущербной. В традиционных темах, мотивах и образах, как замечено в статье о А. Блоке, «хранится старая эмоциональность; слегка подновленная, она сильнее и глубже, чем эмоциональность нового образца, ибо новизна обычно отвлекает внимание от эмоциональности в сторону предметности» [4, с. 359].

Согласно логике Ю. Н. Тынянова (статья «Промежуток», 1924), в поэзии «жанр создается тогда, когда у стихового слова есть все качества, необходимые для того, чтобы, усилясь и доводясь до конца, дать замкнутый вид. Жанр — реализация, сгущение всех бродящих, брезжащих сил слова. Поэтому новый убедительный жанр возникает спорадически. Только иногда осознает поэт до конца качество своего слова, и это осознание ведет его к жанру» [4, с. 446–447]. Рассуждения теоретика позволяют предположить, что, подобно «своеобразию стихового слова» в «Евгении Онегине», «смысловое своеобразие» романского слова, способного вызывать сильный эмоциональный отклик, «проецируется в жанр, как бы само создает его» [4, с. 447], поскольку жанр «не задают, а осознают как направление слова» [4, с. 451]. Следовательно, высокая концентрация общих мест, устойчивых формул (поэтизм) и банальной образности в русском романсе детерминирована эмоциональной природой и целевой установкой (телеологией) данного жанра на сочувственный отклик, душевное соучастие читателей (слушателей).

Таким образом, намеченные Ю. Н. Тыняновым пути объективного анализа поэтической специфики русского романса сохраняют бесспорную актуальность при разработке теории и истории традиционного жанра, художественная система которого с трудом поддается оформлению в строгие научные категории. В исследовательской литературе последних десятилетий романс как полноправный жанр русской лирической поэзии по-прежнему «еще только нащупывается», говоря словами выдающегося филолога.

Литература

1. Блок, А. А. Собр. соч.: в 8 т. / А. А. Блок; под общ. ред. В. Н. Орлова. — М.; Л.: Гослитиздат, 1960. — Т. I. — 715 с.
2. Гинзбург, Л. Я. Тынянов-литературовед / Л. Я. Гинзбург // Записные книжки. Воспоминания. Эссе / Л. Я. Гинзбург. — СПб.: Искусство, 2002. — С. 446–466.
3. Тынянов, Ю. Н. Поэтика. История литературы. Кино / Ю. Н. Тынянов. — М.: Наука, 1977. — 574 с.
4. Тынянов, Ю. Н. Литературная эволюция: Избр. труды / Ю. Н. Тынянов. — М.: Аграф, 2002. — 496 с.
5. Умчались года: Старинные романсы // Для голоса в сопровождении фортепиано. — М.: Музыка, 1991. — 47 с.